

Селиванов Алексей Алексеевич

аспирант кафедры социологии,
политологии и права ИППК ЮФУ
Института по переподготовке
и повышению квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук
Южного федерального университета (ИППК ЮФУ)
49skiff@mail.ru

**ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
В РОССИИ: СПЕЦИФИКА
ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ**

Аннотация:

В статье рассматривается специфика формирования и эволюции идеологического мировоззрения личности в России. Предлагается авторская концепция детерминации идеологического мировоззрения личности в процессе ее становления.

Ключевые слова:

идеология, мировоззрение, личность.

Selivanov Aleksey Alexeevich

post-graduate student of the chair of
sociology, politology and law,
Institute for retraining and advanced training of
teachers of humanitarian and social sciences,
Southern Federal University
49skiff@mail.ru

**IDEOLOGICAL WORLDVIEW OF
THE PERSON IN RUSSIA:
SPECIFICITY OF
FORMATION AND EVOLUTION**

The summary:

This article discusses the specificity of the formation and evolution of the ideological worldview of the person in Russia. The author's concept of ideological worldview of determination of the person in the process of its formation is proposed.

Keywords:

ideology, worldview, person.

Особенности формирования и эволюции идеологического мировоззрения личности, формируясь под влиянием социальных факторов, всегда имеют временную историческую привязку, а также обусловлены геополитическими условиями и системой этических нормативов.

Соответственно, исследуя особенности формирования и эволюционирования идеологического мировоззрения личности, необходимо исследовать данные параметры, а именно: **исторический аспект, геополитические детерминанты, этические нормативы** с момента зарождения нации до современности.

Исторический аспект. Его влияние на формирование идеологического мировоззрения личности опосредовано и проявляется через такие составляющие, как национальный характер, национальный менталитет.

Национальный характер в научной литературе рассматривается как неоднозначная категория, понимание и признание сущности и значения которой распределяется между полярными позициями от полного отрицания до превознесения его. Так, Л.Н. Гумилев, придерживаясь позиции методологического релятивизма, писал: «Так называемый «национальный характер» – миф, ибо для каждой новой эпохи он будет другим, даже при нарушении последовательности смен фаз этногенеза» [1, с. 553]. Иная позиция, например, у З.Фрейда, по мнению которого «каждый отдельный человек является составной частью многих масс, он с разных сторон связан с идентификацией и создал свой «Идеал Я» по различнейшим образцам. Таким образом, отдельный человек – участник многих массовых душ – своей расы, сословия, церковной общины, государственности и т. д.» [2, с. 181], а следовательно, национальный характер формируется на основе национальной психологии. И каждая отдельная личность является в определенном смысле производной от национального характера и национальной психологии, поскольку в процессах социализации и идентификации национальные социокультурные нормы, зна-

ния и ценности, которые внедряются в личностное бессознательное через национальные архетипы, символы, представления об этико-эстетических нормах и ценностях. При этом необходимо указать на устойчивость национального характера: однажды сформировавшись, он сохраняет качественные характеристики: «народный характер необычайно устойчив, быть может, он даже всегда остается тем же, и самые неожиданные и невероятные колебания судьбы вскрывают его скрытые, но всегда присутствующие потенции» [3, с. 112]. Даже социально-экономические изменения, преобразования общественного строя приводят лишь к внешним изменениям: «Удивительная живучесть и странная сила, состоящая, казалось бы, из одних слабостей и ошибок. Триста лет после Петра жизнь на излом...» [4, с. 4].

При определении русского характера большинство исследователей характеризуют его через крайние противоположности: сильная любовь/ненависть, жестокость; склонность к насилию/доброта, человечность, мягкость; индивидуализм, обостренное сознание личности/безличный коллективизм; смирение/бунтарство; долготерпение/разгул; отсутствие внешней свободы/великая внутренняя свобода. Н.А. Бердяев полагает, что данная полярность вполне естественна и Россию и русский народ «можно характеризовать лишь противоречиями»: государственная деспотичность и анархическое свободолюбие; национальное самомнение и универсальность духа, всечеловечность; жесткость и болезненная сострадательность; удивительная терпеливость и «склонность доходить во всем до крайностей, до пределов возможного, причем в кратчайшие сроки»; непредсказуемость поведения и склонность следовать «традициям старины», общинность, преклонение перед интересами государства, послушание перед властью и стремление к ниспровержению власти, к бунту. С одной стороны, Россия – самая безгосударственная, анархическая страна, где мало порядка, но много непредсказуемости, с другой – государственная и бюрократическая. Она самая нешовинистическая, но самая националистическая. Это – страна безграничной свободы духа, странничества и искания правды на Земле, но и страна, лишенная прав личности и не защищающая достоинства личности. Российский народ – «поляризованный народ». И это для него вполне закономерно и понятно, поскольку обусловлено русской историей – вечном конфликте инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа... К перечисленным чертам русского характера академик Д.С. Лихачев добавляет еще «стремление к свободе», выразившееся в бегстве в казачество, в народном движении на Восток в поисках свободы от государства, в постоянных бунтах и восстаниях во имя социальной и политической справедливости. Вне всякого сомнения, но благодаря именно этой своей черте, которую можно заметить в России во всём, Россия всегда «находилась на грани чрезвычайной опасности» [5, с. 35].

Таким образом, национальный характер, проявляясь в том, как люди действуют (трудятся, отдыхают), накладывает отпечаток на продукты деятельности. Однако в современной научной литературе понятие «национальный характер» постепенно сменяется иным: ему на смену для обозначения психологических особенностей этнических общностей приходит понятие «ментальность».

Национальный менталитет как понятие позволяет социальной философии раскрывать роль духовных факторов в формировании субъективно-объективной реальности, проявляющейся на всех уровнях социального взаимодействия: общественном, межличностном, личностном. При этом основания национального русского менталитета находятся в коллективистской культуре. Именно исходя из этой особенности, Н.А. Бердяев в 1907 году предсказывал победу большевиков: «Русскому человеку всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда

отрицался». По его убеждению, российский народ никогда не был буржуазным, не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Российскому человеку свойственно убеждение. Что «человек выше принципа собственности» [6, с. 49–50]. Эта устремленность к высшим, духовным ценностям представляет важнейшую особенность духовного склада именно русского народа. Этой же позиции придерживались русские философы начала XX века. Так, авторы вышедшего в 1909 г. философского сборника «Вехи» Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк отмечали торжество духовной жизни русского народа над материальными условиями.

Во многом эта устремленность к общности, общинности является проявлением славянского начала, которое, по сути, и есть то основание, из которого выкристаллизовался русский народ. Кроме того, без сомнения русские восприняли и другие ментальные свойства славян, как выносливость, доброжелательность, изобретательность, храбрость, свободолюбие, которое особо выделил позднеантичный мыслитель Маврикий Стрателот отмечая, что никоим образом нельзя их склонить к рабству или подчинению в своей стране. Об этом же, но значительно позднее писал Н.О. Лосский.

Таким образом, *главными отличительными чертами русского менталитета являются* априорная убежденность в изначальном равенстве всех, из которой вытекает и обостренная нетерпимость к несправедливости, и эгалитарно-коллективная свобода, частичное передоверие личной свободы коллективу и делегирование доминирующей роли государству, выражающаяся в подчиненности личности государству как следствию патерналистской традиции, и бунт против этого же государства, если надежды, возложенные на него, не оправдались.

К геополитическим детерминантам, определившим специфику России, относятся: 1) *срединное положение на евроазиатском континенте*, 2) *гигантское географическое пространство*, 3) *необычайно сложные природно-климатические условия*, 4) *политничность*. Рассмотрим последовательно каждую из представленных детерминант.

1. *Срединное положение на евроазиатском континенте*, стыке Европы и Азии, на не защищенной с Запада, Юга и Востока равнине приводило к тому, что Россия со всех сторон была открыта для нападения. Следствием этого стало развитие русской история таким образом, «что для нее не было никакого выбора; или надобно сражаться, или быть уничтоженной; вести войну или превратиться в рабов и исчезнуть» [7, с. 477]. История России есть история война за свою независимость. Следствием этого, с позиции И. Ильина, стала непоколебимая уверенность русских в том, что если они потерпели поражение в национальной борьбе, то это поражение только «первая» глава схватки, «вторая» будет означать очищение и накопление сил, «третья» – победу, освобождение и воскрешение.

2. *Гигантское географическое пространство*, необъятность земли русской, отсутствие границ и пределов, с точки зрения Н.А. Бердяева, сформировали русскую душу, и пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли: та же безграничность, бесформенность, широта. Однако активность и жизнеспособность русских способствовали тому, что неосвоенные, малозаселенные и глухие земли Поволжья, Предуралья, Урала, Сибири, Приамурья – холодные, неплодородные, удаленные от центров цивилизации и окруженные беспредельными «муромскими», «мещерскими» и иным лесами, стали цветущим краем.

3. «Душа народа находится в живой и таинственной взаимосвязи с его природными условиями и потому не может быть достаточно объяснена и понята без этой взаимосвязи» [7, с. 478]. *Сложные природно-климатические условия* России, требовали всегда больших временных затрат и терпения при ведении сельскохозяйственных работ, и они же своей непрогнозируемостью могли свести к нулю все предпринятые усилия, заставляя

русских являть собой образец терпения и постоянного жертвенного служения. Именно эта детерминанта и соединила, по мнению многих исследователей, в ментальных особенностях русских такие, на первый взгляд, взаимоисключающие свойства, как трудолюбие, терпение, выносливость и лень, небрежность, пассивное отношение к будущему, бессознательную установку на помощь коллектива в трудную минуту.

4. *Полиэтничность* России также является следствием ее срединного положения на евроазиатском континенте. В этническом отношении Россию можно назвать моделью мира, поскольку в ней сосуществуют более ста народов, представляющих разнообразные религиозные конфессии и этнические группы. Славянское влияние этнически, безусловно, самое мощное, но не единственное, но одностихийных народов в истории почти не встречается. Таким образом, русский народ как суперэтнос представляет собой сложное полиэтничное природно-социальное образование, вобравшее в себя органично славянское, финно-угорское и тюркское влияния. И эта полиэтничность оказала определенное влияние на ментальные составляющие русских, внося в него терпимость к иноплеменникам, добродушие, гостеприимство вместе со взрывчатой готовностью ответить на нанесенное оскорбление, выступить в качестве заступника слабого перед сильным.

Таким образом, геополитическая специфика России **оказывает значительное влияние на формирование идеологического мировоззрения личности через геополитические детерминанты, которые, требуя для своего преодоления определенных личностных качеств, «вызывают их к жизни», помещая личность в крайние ситуации жизни – смерти, жизни – выживания, потери – сохранения, сохранения – приобретения.**

Этические нормы русских, изначально содержавшие в себе общечеловеческие универсалии, имеют истоки в язычестве, на которые впоследствии наложилось православие, былины как синтезированная форма этических норм язычества и православия, а также изуродованная форма христианства в виде большевизма, к счастью не обезобразившая, а оттенившая их.

Язычество, можно сказать, определило стихийность и иррационализм народного менталитета. Так, близкое по своим сущностным основаниям восточной философии одухотворение природы в ее стихиях (земля, вода, огонь, воздух) и во всех ее стихийных проявлениях и составляющих, найдя свое практическое выражение в правилах, обрядах, праздниках, сыграло важную роль в закреплении моральных принципов в этические правила поведения. Кроме язычества, в силу полиэтничности, значительное влияние на формирование этических нормативов оказали религии этих народов (ислам, буддизм, индуизм, конфуцианство).

Однако именно *православие*, по мнению отдельных исследователей, объединило разрозненные племена в единое целое. Однако другие мыслители, в частности П.Я. Чаадаев, негативно оценивают значение православия в российской истории, полагая, что православие стало одной из главных причин экономического и культурного отставания России, поскольку, приняв христианство из рук «дряхлой Византии», «выпала» из лоно «общечеловеческой» цивилизации, получившей просвещение от Рима. Но несомненно одно: христианские ценности во многом совпадали с исконными ценностями восточных славян, привнеся в него идеи милосердия и прощения, усиливая такие ментальные свойства, как созерцательность и чувствительность.

В то же время результатом сотворческого соединения исконных ценностей с привнесенными православными можно рассматривать сугубо русские качества веры – космизм и соборность. И дело здесь в том, что сущность религий всегда преломляется сквозь специфику душевных качеств народа, исповедующего данную религию.

Так, несмотря на то что православие, католицизм и протестантизм имеют общий духовный корень в виде общехристианского принципа любви, но и любовь и вера проявляются по-разному: из разума, из воли, из сердца, и в результате истинно важным является «не только то, во что веришь, но еще и то, чем, т. е. какими силами твоей души осуществляется твоя вера» [8, с. 388]. И именно из сердца «исходит любовь: сердцем или от сердца люди любят Бога и ближних... в сердце помещается такая скрытая функция сознания, как совесть» [9, с. 71]. То есть главенство сердечно-чувственного начала в религиозном акте духовного постижения Божественной истины, когда «нужно умом в сердце стоять, дабы истину постигнуть». При этом православие не отвергает разум, но справедливо полагает, что мысль неодухотворенная мертва и веру породить не может.

Западная же цивилизация центральное положение отдает уму, холодному рассудку и трезвому расчету, следуя словам Леонардо да Винчи о том, что «великая любовь есть дочь великого познания». И, вероятно, именно поэтому для русского максимализма оказывается возможным достижение любых сверхзадач, в то время как старческий разум европейцев дряхлеет от интеллектуального онанирования, лишённого жизненной энергии.

Не менее важным для формирования этических нормативов явились *былины*. Хотя между сюжетами былин есть и такие, которые можно возвести к эпохе доисторического сродства индоевропейских преданий, тем не менее всё содержание былин, а в том числе и эти древнейшие предания, представляется в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительному историческому периоду. На наш взгляд, вполне логично предположить, что былины есть, с одной стороны, одно из воплощений этических правил, и с другой – систематизация базовых идеологем, внедряемых в общественное сознание, а через него в мировоззрение личности. И именно этими основаниями, ориентирующими личность на защиту обездоленных, стремление к справедливости, непреклонность перед лицом опасности, человеколюбие объясняется то, что любые попытки внедрить инквизицию встречали резкий протест со стороны русского церковного мира. Былинным основанием русской ментальности можно, на наш взгляд, объяснить и тот факт, что если в протестантизме и католицизме основной акцент в религиозном культе делается на страданиях и страстях Христовых, то в русском православии – на идеях Любви, Прощения и Воскресения. И эта особенность верования русских удивительным образом согласуется, по мнению Н.А. Бердяева, с русской душой, мятежной, ищущей, страннической, которая никогда не удовлетворится ничем средним и относительным.

В России после революции 1917 года этические нормативы практически не изменились, поскольку марксизм при «переходе» с Запада на Восток перестал играть роль идейно-критического коррелята западной цивилизации и в результате ленинской интерпретации стал духовной основой антизападной цивилизационной системы, поскольку менталитет русского человека формировался на основе общинного сознания, и в этом смысле советский период внес лишь отдельные корректировки в процесс, не разрушив глубинных основ психологии. Так, принцип частной собственности (капитализм) был замещен коммунистическими отношениями (социализмом); западные идеи права были перемещены в сферу политики и идеологии и соединены в идеи власти советов и партии; принципы, свойственные западной культуре (личностное развитие, личная ответственность и инициатива, плюрализм) – на принцип коллективизма, заменив им свойственный русской культуре принцип соборности и общинности; религиозная вера переориентирована на ее атеистический аналог – безграничную веру в мудрость коммунистической партии. Так, «И. Ильин, Н. Бердяев, С. Франк практически единодушны в выводе о том, что коммунизм как учение в России обрел почву именно благодаря соответствию многих его глубинных черт природе национального характера, а сама коммунистическая Россия явилась только очередной сменной «вы-

веской» Московского государства Ивана Грозного, петровской империи, вобрав в себя такие их черты, как произвол абсолютной власти, «засилие» государственной собственности, отсутствие свободного образа жизни» [10, с. 81].

Таким образом, коммунистическая идеология выступила в роли идеологического консерванта, существенно сгладив социокультурные противоречия, которые «подрывали» ментальные основания и были вызваны во многом геополитическими особенностями России. То есть парадокс советского периода заключался в том, что через обращение к архаическим формам мышления и активизацию общинных форм поведения были актуализированы социальные потребности сквозь призму идеологизированных духовных потребностей. Эта духовная «привязка» к идее социального прогресса во имя и для установления справедливости как главной ценности приводила к доминированию идеологической составляющей в мировоззрении личности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что все предшествующие эпохи, несмотря на то что меняли внешнюю оболочку (язычество – православие – марксизм), ментальные составляющие русского народа не только не разрушали, но и по возможности укрепляли и творчески дополняли.

Однако идеологические потрясения, происшедшие в России на рубеже XX–XXI веков, отличаясь радикальными преобразованиями социалистической системы на политическом, социальном, экономическом, культурном уровнях, привели к размыванию старой системы ценностей, а в некоторых случаях подмене устоявшихся ценностных понятий инородным западничеством содержанием.

Итак, в результате исследования параметров, определяющих особенности формирования и эволюционирования идеологического мировоззрения личности, – исторического аспекта, геополитических детерминант, этических нормативов – с момента зарождения нации до современности, были сделаны следующие выводы.

Во-первых. Первые два параметра – исторический аспект, геополитические детерминанты в силу своей большей статичности определяют в значительной степени формирование, а последняя – ***этические нормативы*** – эволюционирование идеологического мировоззрения личности. Это объясняется тем, что исторические и геополитические детерминанты, находясь во взаимосвязи, изначально закладывают основы ментальности народа, в то время как этические нормативы более пластичны, поскольку, представляя «вершину» ментальности и часто их внешнее изменение, не затрагивают ее основания.

Во-вторых. Идеологическое мировоззрение личности, являясь во многом производным от идеологического мировоззрения, доминирующего в обществе, имеет ментальное основание и включает в себя такие идеологемы, как «родина», «добро», «справедливость», «любовь», «свобода», «воля», «ответственность».

В-третьих. Формирование и эволюция идеологического мировоззрения личности прошли те же этапы, что и формирование идеологического мировоззрения русского общества: крещение Руси (конец X века), монголо-татарское нашествие (XIII век), петровские реформы (XVIII век), Октябрьская революция (начало XX века), развал СССР (конец XX века), современной этап (начало XXI века), требующий отдельного анализа в силу неоднозначности социально-политических процессов, происходящих на данном этапе развития общества.

Ссылки:

1. Гумилев Л.Н. От Руси до России : очерки этнической истории. М., 1994.
2. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс. Хрестоматия. Самара, 1998.
3. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
4. Распутин В.Г. Мой манифест. Наступает пора для русского писателя вновь стать эхом народным // Наш современник. 1997. № 5.
5. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
7. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М., 1996.
8. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Там же. Т. 1. М., 1993.
9. Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // Путь : орган русской религиозной мысли. М., 1992.
10. Филиппов М.Ю. Правовой механизм трансформации личности в России: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2009.

References (transliterated):

1. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii : ocherki etnicheskoy istorii. M., 1994.
2. Freyd Z. Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo "Ya" // Psikhologiya mass. Khrestomatiya. Samara, 1998.
3. Vysheslavtsev B.P. Russkiy natsional'niy kharakter // Voprosy filosofii. 1995. No. 6.
4. Rasputin V.G. Moy manifest. Nastupaet pora dlya russkogo pisatelya vnov' stat' ekhom narodnym // Nash sovremennik. 1997. No. 5.
5. Likhachev D.S. O natsional'nom kharaktere russkikh // Voprosy filosofii. 1990. No. 4.
6. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., 1990.
7. Il'in I.A. Sushchnost' i svoeobrazie russkoy kul'tury // Il'in I.A. Sobr. soch. In 10 vols. Vol. 6. Book 2. M., 1996.
8. Il'in I.A. Put' dukhovnogo obnoveniya // Ibid. Vol. 1. M., 1993.
9. Vysheslavtsev B.P. Znachenie serdtsa v religii // Put' : organ russkoy religioznoy mysli. M., 1992.
10. Filippov M.Y. Pravovoy mekhanizm transformatsii lichnosti v Rossii: sotsial'no-filosofskiy analiz. Rostov n/D, 2009.